Л.И.КОМИССАРОВА
Е.Р.ОЛЬХОВСКИЙ

У ИСТОКОВ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1986

ББК 63.3(2)521
К63

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
доктор исторических наук Н. Н. МАСЛОВ
доктор исторических наук В. В. ШЕЛОХАЕВ

К $\frac{0501000000-217}{004(01)-86}$ 5-85

ВВЕДЕНИЕ

В идейно-теоретическом наследии В. И. Ленина видное место занимают труды, посвященные истории. Они базируются на огромном фактическом материале, его подлинно марксистской оценке, показывают роль исторической науки в решении актуальных проблем, соединяя прошлое, настоящее и будущее. Историческая концепция Ленина формировалась на основе научного социализма, в неразрывной связи с деятельностью Коммунистической партии. Ленин считал, что теория социал-демократии должна основываться на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, «дать ответ на запросы пролетариата» [1].

В. И. Ленин не был профессиональным историком. Изучение прошлого не являлось для него самоцелью. Он не всегда давал развернутые характеристики исторических событий. Чаще всего в его трудах они играли вспомогательную роль, сводились к кратким замечаниям и оценкам, использовались в острой полемике с политическими противниками. Знание прошлого В. И. Ленин стремился использовать для торжества дела пролетариата, его партии.

Но вместе с тем именно Владимиру Ильичу Ленину принадлежала большая роль в развитии исторической науки с конца XIX в., когда он заложил основы марксистской концепции русской истории. При этом он опирался на учение К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин освещал прошлое с классовых, последовательно пролетарских позиций и тем самым продолжил учение и исторические труды основоположников марксизма. Занимаясь историческими исследованиями, В. И. Ленин строго соблюдал научный метод исторического анализа при собирании и изучении источников, стремился привлечь весь доступный ему исторический материал, всесторонне исследовал специальную литературу и только после этого делал свои неопровержимые выводы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 307. В дальнейшем все сноски на это Собрание указываются в тексте в круглых скобках. Первая цифра обозначает том, вторая — страницу. Аналогично ссылаются авторы и на второе издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ МАРКСИСТОВ НАЧАЛА XX В.; ИСКАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ОППОРТУНИСТАМИ

Накануне первой российской революции марксистская историография добилась новых успехов. Однако ее путь был трудным. Сложное положение в историографии усугублялось писаниями «экономистов». Прикрываясь якобы марксистским ви́дением прошлого, они умаляли значение политических процессов, сводили на нет роль субъективного фактора в истории и тем самым искажали марксизм. В конце 1903 г. политический союз, заключенный лидерами меньшевиков с «экономистами», резко ухудшил состояние дел и в историографии.

1. ТРУДЫ Г. В. ПЛЕХАНОВА В ПЕРИОД «ИСКРЫ» И «ЗАРИ»

В начале XX в. развитие марксистской историографии было противоречивым. В первые годы (1900—1903) продолжалось расширение тематики, углубление исследований по истории освободительного движения, повышалось методологическое мастерство марксистов. Этому в немалой степени способствовало их объединение вокруг «Искры» и «Зари», «выравнивание» в результате острейших дискуссий внутри редакции уровня большинства исторических исследований, некоторое приближение взглядов их авторов к ленинским, например на генезис буржуазного либерализма в России, роль земства и др.

Однако раскол на II съезде РСДРП, измена многих марксистов в 1903 г. делу научного социализма, переход их на позиции меньшевизма оказали негативное влияние на исторические построения. Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, Ф. И. Дан, П. Б. Аксельрод и даже Г. В. Плеханов стали приближаться в своих воззрениях к «экономистам» — А. С. Мартынову, В. П. Акимову, а также к П. П. Маслову; для всех них характерны объективизм (нередко под влиянием буржуазной историографии), схематизм, абстрактность, отход от исторического материализма к «экономическому материализму», подмена научного исторического анализа идеалистическими схемами.

Наиболее круто этот перелом отразился на воззрениях Плеханова. В начале XX в. он еще придерживался марксистских исторических взглядов. Особенно резко Плеханов выступал против эсеровского искажения истории террора. В серии статей в «Искре», а также в «Письме в редакцию «The comrade»», статье «Русские социалисты и терроризм» и др. он указывал на то, что террор народовольцев был порожден их слабостью и сам являлся ее источником [1]. Тактику терроризма Плеханов считал опасной и после 1903 г. опубликовал статью в центральном органе немецкой социал-демократии «Vorwärts», показывавшую историю терроризма, его ошибочность для России и постоянную борьбу РСДРП с ним. Статья вызвала «огромное удовлетворение» революционной части немецкой социал-демократии [2].

Подводя исторические итоги XIX в., Плеханов отмечал рост производительных сил, увеличение материального богатства. XIX век принес рабочим «ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплуататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих» [3]. Классовую природу партий он призывал определять не только по программным фразам, но и по тем общественным слоям, на которые они опираются [4]. Он ясно видел разделение международной социал-демократии на революционное и оппортунистическое направления. Важнейшей задачей в России Плеханов считал свержение самодержавия. Вместе с тем он не смог определить содержание новой эпохи как эпохи крушения капитализма и социалистических революций.

В начале XX в. Плеханов анализировал многие аспекты народничества. В статьях «Искры» и «Зари», Предисловии к русскому изданию книги А. Туна, воспоминаниях «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли»» он развивал те же идеи о народничестве, которые стали для него основополагающими еще в 80-х годах XIX в. Теперь он дал правильные в целом оценки «хождения в народ», мировоззрения Лаврова и Бакунина, взглядов и заслуг лавристов, «Земли и во-

---

[1] См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 1. М., 1973, с. 66—76; т. 2. М., 1973, с. 28—29; Письмо Л. Г. Дейча Г. В. Плеханову.— АДП, ф. 1093, д. В.144.10, л. 1—2.

[2] Письмо И. Дитца Г. В. Плеханову.— АДП, ф. 1093, д. Б.41.7.

[3] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XII. М., 1924, с. 63.

[4] См. там же, т. III, с. 115.

ли», «Черного передела», «Народной воли». Много внимания уделил Плеханов разнообразию оттенков внутри народовольчества, их социальной основе, различиям по отношению к тактике террора, противоположности революционных и либеральных народников и т. д. Однако эти правильные и нужные историку наблюдения так и не привели его к более четкой, чем в XIX в., оценке значения народничества.

По-иному обстояло дело с историческими оценками либерализма. Известно, что уже в 90-х годах Плеханов и его друзья допускали существенные отклонения от ортодоксального марксизма. Споры внутри редакции «Искры» — «Зари» в конце 1900 — начале 1901 г. из-за позиции во время переговоров со Струве, острейшая полемика в редакции вокруг ленинской работы «Гонители земства и Аннибалы либерализма» показали, что у членов редакции различный подход к истории либерализма, тактике по отношению к нему. Плеханов убеждал либеральное общество правильно оценить исторические итоги развития освободительного движения в России, понять, что «завоевание политической свободы принесло бы ему гораздо больше *непосредственной* пользы, чем рабочему классу, на который упала бы, однако, главная тяжесть борьбы» [5].

Явной уступкой поссибилизму представляется плехановская оценка известного воззвания «Молодой России». В двух рецензиях на работы Чичерина, помещенных Плехановым в № 2 — 3 «Зари», сформулирована его точка зрения по отношению к истории и будущности российского либерализма [6]. Плеханов оказался вынужденным согласиться с исторической оценкой В. И. Лениным старого, земского либерализма. Однако Плеханов утверждал, что «серьезное либеральное движение может возникнуть у нас только как результат *движения рабочих.* Такова одна из самых интересных особенностей нашей общественной жизни» [7]. Эти новые либералы, писал он, уже не будут третировать «нигилизм»; откроется возможность реального союза социал-демократии с либералами. В письме В. И. Ленину 14 июля 1901 г. Плеханов отмечал: «Не следует теперь ругать *либерала вообще.* Это не тактично, *надо от плохого либерала апеллировать к хорошему*»; «плохи *так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения.* Мы ведь должны относиться к либералам как к возможным союзникам» [8]. Эта плехановская позиция близка к лозунгу «Революционной России», пришедшей после исторического анализа к выводу: «не предъявлять к либералам неисполнимых для них требований, а брать либералов такими, каковы они есть» [9].

Политическую ошибочность такой позиции Плеханов в какой-то мере понимал и сам и не выпячивал ее до конца 1903 г. В предложенной им резолюции о либералах на II съезде этой ошибки нет [10]. Исторический аспект плехановской линии связан в конечном счете с его «пятичленкой». В 1901 г. в лекциях «Материалистическое понимание истории» Плеханов кратко сформулировал основную идею К. Маркса: «1) *Производственные отношения определяют все другие отношения, существующие между людьми в их общественной жизни.* 2) Производственные отношения в свою очередь определяются состоянием производительных сил» [11]. Позднее Плеханов свое понимание соотношения «основания» и «надстройки» выразил в следующих пяти тезисах: «1) *состояние производительных сил;* 2) обусловленные им *экономические отношения;* 3) социально-*политический строй,* выросший на данной экономической «основе»; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем *психика общественного человека;* 5) *различные идеологии,* отражающие в себе свойства этой психики» [12].

Далеко не сразу можно обнаружить в этих верных тезисах налет вульгарности и абстрактно-экономического подхода к истории. Тем не менее именно особенности восприятия истории Плехановым вели его к крупным ошибкам в теории социалистической революции, в пони-

[5] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XII, с. 165.

[6] Тарновский К. Н. в докторской диссертации «Ленинская «Искра»: революционная мысль, революционное дело, революционная организация» (Л., 1982, с. 191) высказал предположение, что эти рецензии — замаскированный ответ на ленинскую работу «Гонители земства и Аннибалы либерализма».

[7] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XII, с. 187.

[8] Ленинский сборник III, с. 203—204.

[9] Новое выступление русских либералов.— Революционная Россия, № 9, июль 1902 г., с. 3.

[10] См.: Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 430.

[11] *Плеханов Г. В.* Избр. философские произведения, т. II. М., 1956, с. 658. Историю этих лекций см.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. II, с. 406.

[12] *Плеханов Г. В.* Избр. философские произведения, т. III. М., 1957, с. 179—180.

мании стратегического соотношения классовых сил в России. Слабым пунктом у Плеханова было его часто проявлявшееся неумение обобщить опыт истории, практический опыт конкретного революционного движения, в частности в области истории соотношения классов, в оценке роли российского либерализма.

Говоря об ошибках Плеханова в 1900—1903 гг., не следует, однако, забывать, что он продолжал активно пропагандировать взгляды К. Маркса на противоречия между производительными силами и производственными отношениями, на революционную миссию пролетариата, на буржуазные имущественные отношения, на особенности исторического развития при капитализме [13]. В серии статей для «Зари» Плеханов резко критиковал с позиций ортодоксального марксизма исторические «изыскания» Струве, Кэри, Бастиа, стремившихся найти притупление классовых противоречий между рабочими и капиталистами [14].

Он выступил против Бернштейна за попытку затемнить классовое сознание рабочих путем «пересмотра» марксизма в интересах буржуазии. Плеханов считал, что сторонники научного социализма «имеют стройную и последовательную программу, глубочайшую основу которой составляет материалистическое понимание истории» [15]. Он писал: «Материалистическое объяснение истории действительно является одним из самых главных отличительных признаков марксизма». Попытки «легальных марксистов» извратить ее, отмечал Плеханов, являются «буржуазной пародией на марксизм» [16]. Уже в 1902 г. он предсказал, что «критики Маркса» вскоре возглавят наших либералов. Но вместе с тем Плеханов ошибочно полагал, что «легальные марксисты» выступают будто бы теоретиками «нашей мелкой буржуазии» [17].

В начале XX в. Плеханов уделял большое внимание

[13] *Плеханов Г.* Критика наших критиков, ч. I, статья первая.— Заря, № 1, апрель 1901 г., с. 82, 83, 85, 88, 89, 92, 93, 113.

[14] См.: *Плеханов Г.* Критика наших критиков, ч. I, статья вторая.— Заря, № 2—3, 1901 г., с. 104, 106, 112, 129, 154.

[15] *Плеханов Г. В.* Вариант предисловия к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие научного социализма».— Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, т. 3. М., 1974, с. 75.

[16] *Плеханов Г.* Cant против Канта или духовное завещание г Бернштейна.— Заря, № 2—3, декабрь 1901 г., с. 204, 210, 219, 225.

[17] См.: *Плеханов Г.* Критика наших критиков, ч. I, статья третья.— Заря, № 4, август 1902 г., Отд. 1, с. 30.

истории российского рабочего движения. В его воспоминаниях «Русский рабочий в революционном движении» дана характеристика первых русских рабочих-революционеров, особенно С. Н. Халтурина, освещена история возникновения и деятельности «Северного союза русских рабочих», состояния революционной пропаганды в пролетарской среде Петербурга и других городов в конце 70-х годов. Немало верных оценок рабочего движения содержали в себе и другие работы Плеханова, например о значении массовых стачек петербургских текстильщиков в 1896 г., об отрыве рабочих-передовиков от массы в первый период социал-демократического движения, о смешении «экономистами» понятий «класс» и «партия» [18]. Однако Плеханов не сумел увидеть признаков нового этапа рабочего движения в XX в., отличавших его от движения в XIX в.

В целом он правильно решал тему «наследства», заявляя: «Желябовы и Перовские составляют славу нашей родины» [19]. Первые социал-демократы заимствовали у революционных народников 70-х годов практический опыт. Но коренная разница в теоретических принципах вела к тому, что возможны были лишь отдельные практические соглашения между народовольцами и членами группы «Освобождение труда» [20]. О наследстве социал-демократов говорил Плеханов и в речи «Народ и интеллигенция в поэзии Н. А. Некрасова» 10 января 1903 г. В дополненном виде эта речь была опубликована редакцией «Искры» как брошюра. Плеханов писал: «Новиков, Радищев, декабристы, Герцен, Огарев, Белинский, петрашевцы умели смотреть несравненно дальше узкого круга своих домашних интересов и ни за что не хотели «позорить гражданина сан»»; «только когда экономическое развитие расшатало основы крепостного порядка и выдвинуло на нашу историческую сцену целый слой образованных разночинцев, только тогда началось у нас почти непрерывное общественное движение во имя более или менее прогрессивных, более или менее широких гражданских идеалов» [21].

В начале XX в. довольно отчетливо стали проявляться ошибки Плеханова при исследовании истории аграрных проблем. В небольшой рецензии на книгу Э. Вандер-

[18] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XII, с. 79—80, 156.

[19] Там же, с. 98.

[20] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XXIV, с. 91—92, 114, 119.

[21] *Плеханов Г. В.* Соч., т. X, с. 384.

вельде он попытался осторожно выступить против национализации земли, ссылаясь на разницу в истории Бельгии и России [22]. Плеханов, как и Аксельрод, неверно оценивал характер русского феодализма, не сумел правильно разобраться в революционных возможностях крестьянства, поставив историю дифференциации в деревне в зависимость не от соотношения классов, а от связи ее с «невежеством» крестьян. Имея в виду их монархистские иллюзии, характерные для эпохи средневековья и особенно для Вандеи в период французской революции, Плеханов ошибочно рассматривал участников всех этих движений как реакционную массу. Он утверждал, что в истории кроме рабочих «все другие общественные классы по самому положению своему реакционны или в лучшем случае консервативны» [23]. В ходе дискуссии вокруг ленинской статьи «Аграрная программа русской социал-демократии», а также в своем комментарии к проекту программы РСДРП Плеханов выступал с грубыми нападками на национализацию земли. Тем не менее под влиянием ленинской критики Плеханов стал несколько по-иному, чем прежде, характеризовать хозяйство пореформенной России.

Переход Плеханова в стан меньшевиков в конце 1903 г. пагубно сказался на его исторических взглядах прежде всего по аграрной проблеме. Все более отгораживаясь от реальной жизни, он яростно нападал на лозунг национализации и даже пытался доказать его реакционность ссылками на допетровскую эпоху в истории России. Возражая ему, В. И. Ленин указывал, что «говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится»; в данном случае «исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь» (13, 14).

Отход Плеханова осенью 1903 г. от позиций, занятых им на II съезде РСДРП, привел его к коренному пересмотру исторических взглядов. Прежде Плеханов клеймил «экономизм» Акимова, Мартынова и др. В ноябре же 1903 г. он писал: «К великой чести этих товарищей надо сказать, что огромное большинство их... стало все более и более сближаться с нами и признало все главные положения «ортодоксального» социализма. У нас, правда, и теперь еще есть о чем поспорить со многими из них; разногласия не вполне исчезли. Но теперь эти разногласия так *несущественны,* что горячиться из-за них совсем не стоит» [24]. В действительности бывшие «экономисты» изменили свои взгляды в гораздо меньшей степени, чем Плеханов, Мартов, Аксельрод. Не бывшие «экономисты» стали приближаться к «ортодоксам», а слывшие «ортодоксами» Плеханов и его друзья сползли к «экономизму» и в угоду этому извратили историю РСДРП. Достаточно указать лишь на одно высказывание Плеханова о том, что прения по § 1 Устава на II съезде партии — «частность, на основании которой архинелепо делить наших товарищей на козищ и овец, на непримиримых и умеренных» [25].

Ссылаясь на авторитет Ф. Энгельса, Плеханов попытался искусственно связать народническую теорию «героев и толпы», заговорщическую практику нечаевщины и бакунизма с учением В. И. Ленина о стихийности масс и сознательности социал-демократии. Бездоказательно обвиняя Ленина в недиалектичности, Плеханов грубо исказил историю дискуссии в редакции «Искры» — «Зари» по поводу предстоявшего в 1902 г. издания книги «Что делать?» и задним числом «сконструировал» свои разногласия с нею. Теперь, в 1904 г., Плеханов нашел, что В. И. Ленин будто бы смотрел на рабочую массу как на «неисторический элемент истории», как на «материю», движимую к социализму действующим извне «духом» [26]. На этом фальшивом плехановском (а точнее — акимовском) тезисе зиждилась вся меньшевистская историческая концепция. Впоследствии его подхватили буржуазные фальсификаторы истории, которые активно эксплуатируют его и поныне.

Крутой поворот в исторических взглядах Плеханова был обусловлен его предшествующими слабостями и ошибками. Основатель и вождь русской социал-демократии до 1903 г. решал ключевые вопросы истории России с позиций исторического материализма. Но он не увидел коренных изменений в России начала XX в. по сравнению с 80-ми годами XIX в., перехода русского капитализма в

[22] См.: Заря, № 1, апрель 1901 г., с. 283—284.

[23] *Плеханов Г. В.* Вариант предисловия...— Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова, Сб. 3, с. 75.

[24] *(Плеханов Г. В.)* Чего не делать?— Искра, № 52, 7 ноября 1903 г., с. 1.

[25] *Плеханов Г. В.* Централизм или бонапартизм?— Искра, № 65, 1 мая 1904 г., с. 3.

[26] *Плеханов Г. В.* Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция.— Искра, № 71, 1 августа 1904 г., с. 2—4.

стадию империализма. Поворот Плеханова к оппортунизму вскоре привел его к отказу от марксистской трактовки исторического процесса в России.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ДРУГИХ СОТРУДНИКОВ «ИСКРЫ» И «ЗАРИ»

Развитие исторических взглядов марксистов, входивших в редакцию «Искры» — «Зари», и тех, кто писал в этих изданиях, носило противоречивый характер. Они явно испытывали на себе влияние В. И. Ленина. Но даже в 1900 — середине 1903 г. они с трудом приближались к правильному марксистскому ви́дению истории. Например, все они не понимали сложного взаимодействия объективного и субъективного в истории, что вело их к «оговоркам» по книге В. И. Ленина «Что делать?». Сползание к оппортунизму в 1903 г. оказалось роковым в эволюции их исторических взглядов.

В. И. Засулич талантливо защищала марксизм от нападок бернштейнианцев и их русских союзников — «экономистов», «легальных марксистов». Все эти оппортунисты отрицали само понятие социальной революции. Привлекая большой фактический материал всемирной и русской истории, Засулич разоблачила попытки Струве, Бердяева и др. изобразить левогегельянцев в Германии, Чернышевского, Писарева метафизиками и идеалистами, вспоминала эпизоды борьбы с народничеством, его вульгарной социологической доктриной о роли героев в истории. На ее статью «Дмитрий Иванович Писарев» при характеристике умеренности требований «экономистов» ссылался В. И. Ленин (см.: 6, 137). В целом верно характеризовала Засулич исторические заслуги революционных демократов. Добролюбов, писала она, «через 10, 15 лет после своей смерти неизмеримо сильнее влиял на текущую жизнь, чем живые публицисты 70-х годов» [27].

В подцензурном журнале «Научное обозрение» Засулич под псевдонимом Н. Карелин опубликовала в 1900 г. большую работу о Писареве, в которой дала резкую отповедь А. М. Скабичевскому, К. Ф. Головину и И. И. Иванову, пытавшимся с разных точек зрения извратить и опошлить мировоззрение Писарева. Не затушевывая разногласий между революционными демократами, Засулич по-марксистски подчеркивала то, что объединяло Писарева с Чернышевским и Добролюбовым. Те части работы Засулич, которые были опубликованы в марте и апреле 1900 г., высоко оценивал В. И. Ленин (см.: 55, 183). В статье-некрологе «По поводу смерти Г. И. Успенского» Засулич писала: «Первым русским марксистам-революционерам, т. е. тем марксистам, для которых марксизм был не только научной теорией, а исторической основой практической программы, эти очерки Г. Успенского (деревенские очерки народника, честно стремившегося отразить то, что он видел. — *Е. О.*) помогали конкретно выяснить себе и другим свою историческую теорию» [28].

Особенно важными были выступления Засулич против террора. Правильно оценивая его в историческом экскурсе к народовольчеству, она утверждала, что «террор не увеличил числа нелегальных революционеров, а лишь сосредоточил их работу на одном пункте и усилил интенсивность деятельности центральной организации» [29]. Засулич указала на разницу в общественно-политической обстановке 70—80-х годов XIX в. и начала XX в.: для многих семидесятников террор «был лишь оружием отчаяния. В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаиваться» [30]. Она напоминала различные эпизоды борьбы революционеров-народников и народовольцев с правительством и делала вывод: «Мы именно потому-то и против террора, что он не революционен, что его породила и вспоила в конце 70-х годов не сила, а бессилие революционеров сделать хоть что-либо для приближения революции» [31].

Однако и в этот, несомненно, лучший период своего творчества Засулич не избежала исторических ошибок. Наиболее отчетливо они проявились в ходе программной дискуссии в редакции «Искры» — «Зари». Засулич не сумела правильно подойти к аграрной истории России. Она яростно выступала против ленинской позиции по вопросу о национализации земли, считала, что российская история показала не только разорение мужика, но и «вред» попыток национализации в деревне.

П. Б. Аксельрод, мало писавший в 1900—1903 гг., после образования меньшевизма стал весьма плодовит и посвятил ряд работ истории освободительного движения

[27] *Засулич В. И.* Сб. статей, т. II, с. 302.

[28] Искра, № 20, 1 мая 1902 г., с. 1.
[29] Заря, № 2—3, декабрь 1901 г., с. 353.
[30] Искра, № 3, апрель 1901 г., с. 7.
[31] Искра, № 28, 15 ноября 1902 г., с. 1.

в России. Пространными экскурсами в революционное прошлое он пытался обосновать свой организационный оппортунизм. Верно оценивая историческое значение марксизма в России, организующую роль «Искры» и «Зари»[32], Аксельрод вместе с тем считал, что история РСДРП противоречива, а ее задачи будто бы не соответствовали положению страны, самой партии, отношениям с революционной интеллигенцией. Последняя, по его мнению, выступила объединяющим и организующим элементом в процессе образования социал-демократии, «на долю же разрозненных единиц кружков социал-демократов рабочих выпала роль только помощников»[33]. Аксельрод писал, что «торжество бюрократического централизма (так он именовал ленинский принцип демократического централизма. — *Е. О.*) в партийной организации — таков итог партийной борьбы революционной социал-демократии с «кустарничеством»»[34]. Эта длинная цепь рассуждений потребовалась Аксельроду, чтобы заявить, что выходящая из-под контроля меньшевистских вождей РСДРП еще не стала якобы настоящей партией. В стремлении сплотиться в единую организацию, твердо управляемую из единого центра, он видел организационный фетишизм. Всех несогласных, т. е. фактически дезорганизаторов, противников централизма, дисциплины и борцов за кустарщину, в его понимании якобы незаслуженно обвиняли в «организационном оппортунизме, которого в действительности не бывает»[35].

Аксельрод объективно оценивал некоторые аспекты истории российского революционного движения. Он считал, что в пореформенной России стояли задачи буржуазной, а не социалистической революции. При этом носителем общенациональных интересов выступал нарождавшийся рабочий класс, чего не понимали «экономисты». Стачку петербургских ткачей летом 1896 г. и сражение с военно-полицейскими силами в мае 1901 г. рабочих Обуховского завода Аксельрод рассматривал в качестве основных вех рабочего движения. Однако он порицал радикальную интеллигенцию, которая будто бы не понимала буржуазного характера предстоявшей революции, за пренебрежительное отношение к «либеральным элементам». «Высшей точки развития своих социалистически-революционных стремлений интеллигенция народнической эпохи,— писал Аксельрод,— достигла в начале 70-х годов, в период мирной пропаганды и массового пилигримства «в народ»»[36]. В 80-х годах расслоение радикальной интеллигенции продолжалось. «Восьмидесятые и в значительной мере девяностые годы были эпохой полного торжества реакции, необузданного самоуправства царской опричнины и придавленности оппозиционного духа в «обществе»»[37].

Аксельрод считал, что «Народная воля» порвала и с «русским», и с западным социализмом, «создавала революционную «программу деятельности», по существу либерально-демократическую»[38]. Желябов стремился к завоеванию возможно более демократической конституции. Чернопередельцы отличались резонерски-доктринерским, холодным отношением к своей революционной миссии. В 80-е годы веры в историческую роль крестьян уже не было: радикальная интеллигенция отреклась от народа, ушла в теорию «малых дел». И только образование петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» вывело ее на перспективный путь.

Однако значение всех этих исторических оценок сравнительно невелико. Во-первых, они в целом повторяли сказанное самим Аксельродом в 90-х годах. Во-вторых, они были не самостоятельны, а делались вслед за более глубокими и верными выводами Плеханова. В-третьих, стремление Аксельрода оправдать свой поворот к оппортунизму историческими параллелями делало многие его обращения к истории надуманными и схематичными. Недаром они вызывали возражения многих социал-демократов. Например, статья «Объединение российской социал-демократии и ее задачи», как и работа Мартова «Наш съезд», заставила женевскую группу содействия партии прийти к заключению, что эти публицисты иска-

---

[32] Искра, № 57, 15 января 1904 г., с. 2, 4.

[33] *Аксельрод П.* Письмо к товарищам-рабочим (Вместо предисловия).— Рабочие и интеллигенты в наших организациях. Женева, 1904, с. 13.

[34] *Аксельрод П.* Объединение российской социал-демократии и ее задачи. Итоги ликвидации кустарничества.— Искра, № 56, 15 декабря 1903 г., с. 5.

[35] *Аксельрод П.* К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий (Из переписки с Каутским).— Искра, № 68, 25 июня 1904 г., с. 3.

[36] См.: *Аксельрод П. Б.* Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении. Женева, 1904, с. 43.

[37] *Аксельрод П.* Письмо к товарищам-рабочим, с. 15.

[38] *Аксельрод П. Б.* Борьба социалистических и буржуазных тенденций..., с. 53.

жают историю РСДРП, ее II съезда, неверно изображают создавшиеся внутри партии отношения [39].

Противоречивыми были взгляды Ю. О. Мартова. В ходе дискуссии в редакции «Искры» — «Зари» вокруг ленинской статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Мартов выдвинул положение о том, что отношения «ортодоксов» к «критикам марксизма» — это отношение социал-демократии к буржуазной демократии [40]. Ту же мысль он проводил в 1901 г.: «Борьба революционной социал-демократии с критическим марксизмом является первым шагом классовой борьбы пролетариата против буржуазного общества в его целом» [41]. Сказалось влияние на Мартова ленинской постановки проблемы либерализма. Но правильно связывая возникновение российской социал-демократии с историческим процессом развития революционной мысли, Мартов вслед за Ю. Невзоровым из оппортунистической группировки «Борьба» считал РСДРП слагаемым революционно-народнической идеи социальной эмансипации и народовольческой борьбы за политическое освобождение. Многословно и патетически восхваляя 1896 год, Мартов называл его «весной в жизни русской социал-демократии» [42], рубежом в ее истории. Тем самым он пытался бездоказательно установить свою периодизацию истории РСДРП, отличную от ленинской.

Правильную в целом позицию занимал Мартов при исследовании терроризма в России. Он считал, что народовольческая тактика была порождена историческими условиями [43]. При этом Мартов сумел по достоинству оценить ленинскую постановку вопроса о некотором родстве «экономизма» и терроризма, отметить внутреннюю неустойчивость позиций редакторов «Рабочего дела» Б. Кричевского, В. Иваньшина и др. в подходе к истории терроризма в России [44]. Мартов вслед за ленинской книгой «Что делать?» писал, что «социалистический оппортунизм — явление интернациональное» [45]. Русский «экономизм», отмечал он, не только у себя на родине боролся с ортодоксией, но и вмешивался в международные дела; Струве защищал Бернштейна, а Кричевский захваливал и тем самым дискредитировал французских революционных социалистов.

Превращение Мартова в лидера меньшевизма оказало негативное влияние на его исторические взгляды. В его писаниях 1904 г. наряду со злобной клеветой на В. И. Ленина (по поводу истории ленинских переговоров в 1895 г. с группой «Освобождение труда», определения бонапартизма в истории, выработки искровского проекта программы РСДРП, оценки исторического значения II съезда и др.) [46] можно найти и некоторые объективные высказывания. Например, Мартов был вынужден признать, что взгляды Ленина широко распространены в РСДРП. О большевизме он писал: «Это течение мысли тесно связано со всем предшествовавшим развитием нашей партии, оно — законное в своем роде детище той самой «Искры», которая совершила несомненную положительную работу по сплочению партии». Вместе с тем он заявлял, что ко II съезду искровство «пережило себя», что «мы проглядели совершенно здоровое ядро в критике, исходившей от антиискровских элементов съезда» [47].

Ошибочными были исторические взгляды А. Н. Потресова. Он не смог усвоить марксистскую методологию исторического исследования. И если вокруг его работ не возникало открытой полемики, то только потому, что обстановка в редакции и без того была сложной. Хотя Потресов на словах говорил о том, что к исследованию истории надо прилагать только «материалистическую точку зрения», однако в действительности этого вовсе не делал. Правда, он признавал, что «русский марксизм» ведет свое происхождение от деятельности группы «Освобождение труда». Но он ошибочно, как и Аксельрод, и Засулич, считал, что «марксизм в России до сих пор был общественным течением в определенной части русской интеллигенции» [48]. Российская разночинная интеллиген-

---

[39] См.: Искра, № 58, 25 января 1904 г., с. 3.

[40] Письмо Мартова Плеханову.— АДП, ф. 1093, д.В.191.22, л. 1—2.

[41] *Мартов Л.* Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции.— Заря, № 2—3, декабрь 1901 г., с. 191.

[42] Там же, с. 183.

[43] См. там же, с. 337, 344.

[44] Письмо Мартова Плеханову. — АДП, ф. 1093, д. В.281.9, л. 1—1 об.

[45] Заря, № 4, август 1902 г., Отд. 2, с. 104.

[46] См.: Приложение к № 67 «Искры», 1 июня 1904 г., с. 1—2.

[47] *Мартов Л.* Борьба с «осадным положением» в Российской социал-демократической рабочей партии (ответ на письмо Н. Ленина). Женева, 1904, с. VI, 66—68.

[48] Заря, № 1, апрель 1901 г., с. 49, 50.

ция — это будто бы своеобразная формация без определенных очертаний. Потресов считал, что народники 70-х годов были революционерами: и пропагандисты периода «хождения в народ», и народовольцы. В 80-е годы «революционное народничество сменилось народничеством либеральным». «Легальный марксизм» в понимании Потресова якобы очистил умы от пережитков, доказал развитие капитализма в России, указал на роль пролетариата в истории, популяризировал экономический материализм и выполнил свою историческую миссию. Так Потресов приукрашивал и защищал прошлое «легального марксизма», хотя и был вынужден признать, что он все более приспосабливался в начале XX в. к либеральной демократии. Когда шел знаменитый спор о возможности развития капитализма в России, «все марксисты,— писал он,— как один человек, стояли — на одной стороне, оппортунисты — народники и скрывающие свою оппортунистическую наготу... прогрессисты — стояли на другой». Потресов признавал, что Михайловский отвергал классовую борьбу в истории, но якобы хранил «наследство Чернышевского, Добролюбова, эпохи 70-х годов» [49].

В 1904 г. меньшевик Потресов ополчился на ленинскую оценку либерализма, грубо передергивал исторические взгляды В. И. Ленина и с ученым видом ставил его на одну доску с Рязановым. Потресов считал, что либерализм 60—70-х и начала 80-х годов — либерализм землевладельческих групп и отдельных элементов бюрократии — в начале 900-х годов превратился в либерализм буржуазной демократии [50]. Так из исторического анализа исчезало понимание ведущей тенденции, а классовые оценки намеренно огрублялись. Наибольшую злобу у Потресова вызывала непримиримость В. И. Ленина к оппортунизму [51].

Ряд статей в «Заре» и «Искре», а затем и в социал-демократических изданиях поместила ученица Г. В. Плеханова Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Разоблачая философский оппортунизм Булгакова, Струве и других «критиков Маркса», она подчеркивала, что социал-демократы «придерживаются материалистического понимания истории и рассматривают все идеологические проявления как

[49] Заря, № 2—3, декабрь 1901 г., с. 230, 243, 245.
[50] Искра, № 78, 20 ноября 1904 г., с. 3.
[51] См. там же, с. 5.

результат материального исторического процесса». Реакционеры, славянофилы, народники защищали самобытность русской деревни, высмеивали крестьян, которые ассимилировались в городе [52]. Тем самым она искусственно конструировала довольно сомнительный исторический ряд, ошибочно искала вслед за Плехановым корни народничества в славянофильстве. Резко критиковала Ортодокс немецкого ревизиониста Макса Цетербаума, который доказывал, что материалистический взгляд на историю связан с идеализмом и ничего общего не имеет с материалистической философией. Ссылаясь на работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», Ортодокс показала, что материалистическое понимание истории теснейшим образом связано с материализмом в понимании природы [53]. Однако самостоятельно проблем историографии Ортодокс не разрабатывала, ограничившись прямым заимствованием взглядов Плеханова.

В 1904 г. меньшевик Ф. И. Дан подготовил доклад РСДРП Амстердамскому социалистическому конгрессу. Он стремился сделать этот доклад орудием фракционной борьбы с большевизмом. Работа Дана носила описательный характер, излагала ход стачечного движения, давала мало материала по истории социал-демократии и партийного строительства. Автор делал вид, что избегает политических оценок. Но положение Дана было сложным. Его доклад написан под влиянием ленинской книги «Что делать?», хотя освоить подлинно марксистскую методологию исторического исследования он так и не смог. Дан считал, что стачечное движение второй половины 90-х годов пробудило политическое недовольство в рабочих массах. Начались демонстрации, которые, однако, были плохо организованы. Говоря о профессиональном движении и фабричном законодательстве, Дан утверждал, что «законы самодержавного правительства не могут охранить экономических завоеваний рабочих». Вслед за В. И. Лениным автор доклада писал, что крестьянские восстания 1902 г. «не имели в себе ничего социалистического, как не имеет его всякая идея «раздела земель»» [54].

Вместе с тем Дан узко и неполно изобразил суть «эко-

[52] *Ортодокс.* К национальному вопросу. СПб., 1906 (статьи из «Искры»), с. 12, 22.
[53] *Ортодокс.* О проблемах идеализма. Одесса, 1905, с. 33—34.
[54] Доклад делегации Российской социал-демократической рабочей партии Амстердамскому международному социалистическому конгрессу (14—20 августа 1904 г.). Женева, 1904, с. 3, 54, 57.

номизма», состоявшую в делении на экономическую борьбу, профессиональное движение, доступные рабочим, и политическую борьбу, которая является делом либеральной буржуазии. Недаром доклад вызвал потом восхищение Е. Д. Кусковой [55]. Однако при оценке «экономизма», в частности петербургской «Рабочей мысли», Дан был вынужден оперировать понятиями, взятыми из ленинской книги «Что делать?». Та же двойственность свойственна Дану и при анализе результатов Амстердамского конгресса.

На страницах «Зари» была поставлена национальная проблема, разрабатывавшаяся под влиянием трудов В. И. Ленина. И. Л. Давидсон вел острую полемику с Бундом, показал ошибочность ряда положений брошюры «Об агитации». Увлечение ею, экономической борьбой заразило русское революционное движение второй половины 90-х годов «экономизмом». Бунд стал преувеличивать роль еврейского языка в социал-демократической пропаганде, выдвигать вопрос о еврейской культуре вместо борьбы с царизмом. «Заря» же требовала агитации за интернациональную солидарность пролетариата, а не выпячивания национальных особенностей, показала историю сближения Бунда с реакционными сионистами, утрату им социал-демократической окраски, его необоснованные требования особого положения в РСДРП на принципах федерации. Эти острые выступления «Зари» против Бунда, верное изображение его бесславной истории звучат актуально, убедительно и сегодня.

Обличительный пафос исторического обзора развития социализма в Финляндии («Заря», № 4) был во многом предопределен искровской статьей В. И. Ленина «Протест финляндского народа» (см.: 5, 352—357). Русским социал-демократам, по мысли А. М. Коллонтай, следовало объединить свои усилия с рабочим движением в Финляндии. Царизм притеснял и угнетал ее народ. «Идея русификации окраин, взлелеянная темным царствованием Александра III и поддерживаемая квасным патриотизмом русских ретроградов,— писала она,— одержала верх над слабым сопротивлением либеральной части русского общества». Прежде рабочее движение Финляндии придерживалось мирных реформаторских форм. После третьего рабочего конгресса в Або (1899) оно значительно выросло и окрепло. Развеялся миф о солидарности

[55] Былое, 1906, № 10, с. 320.

буржуазии и рабочих. Социал-демократическое движение Финляндии быстро прогрессировало. Появились точки соприкосновения между финляндской рабочей партией и русскими социалистами: «Как русские социал-демократы, так и финляндская рабочая партия в скором времени осознают всю важность подобного объединения и дружно вступят в бой с своим общим врагом: *русским самодержавием*» [56].

Под влиянием В. И. Ленина находился и автор рецензии-статьи в «Заре» А. Л. Парвус. В тексте встречаются не только те же мысли, которыми богата неопубликованная рецензия В. И. Ленина на книгу Прокоповича, но и дословные повторения. Парвус отмечал, что Прокопович «украл у истории полтысячи лет», «скомкал столетия и перепутал факты, нарисовал несуразную историю дореволюционной Германии». Он стремился показать, что классовая борьба пролетариата — объективная действительность, исторический процесс. «Борьба классов есть всегда борьба за *политическую власть*». По-разному складывалась история борьбы рабочих против своих угнетателей. «Английский образец можно назвать *вооруженным нейтралитетом пролетариата*». «Политическая борьба французских рабочих привела их к чистому революционизму». «Немецкий образец можно характеризовать как использование парламентаризма в целях революционизма». Прокопович в оценке Парвуса — наездник на научной почве, он «бессознательно совершил интересный эксперимент: применил тактику Бернштейна к прошлому» [57] и доказал, что «экономистские» исторические исследования к добру не ведут.

3. ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ «ЭКОНОМИСТОВ» И НА СТРАНИЦАХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В НАЧАЛЕ XX В.

Высказывания по историческим проблемам «экономистов», а также представителей мелких социал-демократических группировок, не объединенных в единую партию, отличались существенными разноречиями.

[56] Социализм в Финляндии.— Заря, № 4, август 1904 г., Отд. 1, с. 74, 75—76, 79.

[57] *Молотов П.* Европейские рабочие и их русский историк (Рецензия на книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт исторического исследования, т. I. Германия. Бельгия»).— Заря, № 1, апрель 1901 г., с. 191, 192, 194, 210, 212, 213, 230.

Упрощенно представляя себе исторический процесс как фатальное следование политики за экономикой, умаляя роль субъективного фактора, «экономисты» искали в истории примеры того, как мирная экономическая эволюция в рамках существовавшего строя может будто бы привести к желанной цели — гармонии классов. С точки зрения «экономистов», классовая борьба, революции — аномалии в истории. Это был абстрактный полуматериализм, схематизм, погоня за мнимым историческим объективизмом. «Экономизм» выступал фактически врагом рабочего движения как в идеологии, политике, тактике, организации, так и в историографии [58].

Постулат «экономистов» об идейно-политической незрелости российского рабочего класса (взятый после 1903 г. на вооружение и меньшевиками) мешал разработке правильной исторической концепции, вносил путаницу в материалистическое понимание истории России. Эти ошибочные взгляды «экономистов» были порождены механическим усвоением научного социализма, общетеоретическими шатаниями мысли. «Экономисты» грешили надуманностью исторических построений, случайностью периодизации, легкомыслием при обращении к историческим фактам как к базису для оправдания своих путаных тактических схем и организационных принципов.

Среди «экономистов», обращавшихся к историческим темам, не было единства. К. М. Тахтарев с 1903 г. выступал сторонником «эволюционного плюрализма» позитивиста Ковалевского [59]. И он, и В. Н. Катин-Ярцев стремились писать «объективные воспоминания» о рабочем движении в Петербурге, искажали историю в угоду «экономизму». С. Н. Прокопович излагал свои взгляды на русскую историю завуалированно, через призму «критики Маркса» и исследований по истории западноевропейского социализма. В. П. Акимов (Маховец) грубо фальсифицировал историю. Б. Н. Кричевский, А. С. Мартынов и другие публицисты «Рабочего дела» рядились в тогу научности, претендовали на ортодоксальность марксизма в своих исторических построениях, а на деле искажали его.

[58] Это понимали и оппоненты марксизма. Один из них в «Русском богатстве» писал со злорадством, что бернштейнианцы отошли от теории К. Маркса «на такое расстояние, что между ними осталось очень мало общего» (ИРЛИ, ф. 266, оп. 2, д. 724, л. 3).

[59] *Тар.* Первобытное общество. Этносоциологическое исследование. СПб., 1903.

В. И. Ленин, руководимые им «Искра» и «Заря», революционные марксисты не раз разоблачали этот прикрытый «экономизм». Ленин и Плеханов неопровержимо доказали еще в 1899—1901 гг. «экономистский» характер «Рабочего дела» в области идеологии, тактики и организации. Его попытка протащить «стыдливый экономизм» в историографии до сих пор осталась практически почти неисследованной.

Исходя из своих субъективистских, схематических взглядов на пролетарскую партию как на «сознательную выразительницу рабочего движения», «экономисты» отстаивали и в истории хвостизм, преклонение перед стихийностью, предлагали самые разнообразные, ничем не обоснованные принципы периодизации истории рабочего революционного движения в России. «Экономисты» сочинили «теорию стадий» в истории РСДРП. Первая стадия, по Акимову, — кружковая (80-е — первая половина 90-х годов); вторая — стадия экономической борьбы (1895—1897 гг.); третья — стадия общественно-правовой борьбы (так называемый «экономизм» — 1897—1900 гг.); четвертая — стадия политической борьбы («искризм» — отклонение от нормального пути развития партии в 1900—1903 гг.); пятая — стадия современной тактики [60]. Критериев периодизации Акимов не дал, отделывался примерами, историю пытался приспособить к деятельности отдельных кружков. Мартынов договорился до того, что теоретическим основателем «экономизма» являлся будто бы В. И. Ленин. Акимов утверждал, что «экономизм» породили В. И. Ленин и И. В. Бабушкин. Тахтарев попытался еще в 1902 г. дать свой вариант «теории стадий»: первый период — кружковщина (до 1893 г.), второй — переходный (до лета 1895 г.), третий — агитационный (с весны 1897 г.) [61]. И хотя внешне его периоды не во всем совпали со стадиями Акимова, в основе этой хронологии также лежали субъективизм, теория стихийности, неумение найти объективные критерии.

[60] *Акимов* (Маховец) *Вл.:* 1) Материалы для характеристики развития Российской социал-демократической рабочей партии. Женева, 1904; 2) Очерк развития социал-демократии в России. СПб., 1906. Заметим, что стадии и их хронологические рамки у Акимова в разных работах не совпадали. В рабочем движении Петербурга и Киева он нашел 4 стадии.

[61] *Петербуржец.* Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям. Лондон, 1902.

В исследовании истории «теоретические» установки «экономизма» приводили к тому, что смысл пролетарского движения сводился лишь к экономической борьбе, стачкам, распространению прокламаций. Так, в серии брошюр, изданных «Рабочим делом» как приложения к докладу Парижскому социалистическому конгрессу 1900 г. о рабочем движении в Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, Одессе и Николаеве, за Невской заставой Петербурга, в Харькове, нет анализа. В них рассказывается о требованиях рабочих вплоть до политических свобод, но ничего не говорится о диктатуре пролетариата.

Серьезными ошибками страдали исторические исследования «экономиста» Прокоповича. В 1899 г. он издал книгу «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования, т. I. Германия. Бельгия» (СПб., 1899). Приверженность бернштейнианству, стремление увидеть в рабочем движении, в социальной истории только те факты, которые могли бы подтвердить «экономистские» догмы, привели к грубому искажению Прокоповичем правил исторического исследования, на что обратил внимание в рецензии на книгу В. И. Ленин. Он писал, что «добрый г. Прокопович слышал звон, да не понял, откуда он» (4, 300). Прокопович «исследовал» вопрос о крестьянских товариществах в Германии, сделал вывод об их быстром росте и прошел мимо ведущей тенденции разложения и обеднения немецкого крестьянства. При этом историк-«экономист» не постеснялся возрождать доктрину либерального народника В. В. о подсобных заработках крестьянства, переводить только те места из немецких книг, которые его устраивали.

Ошибочные взгляды Прокоповича проявились и в его переписке с Плехановым. В 1897 г. Прокопович пытался полемизировать с понятием монизма в истории, соотношением общего, социального и индивидуального. Он сводил всю историю к действиям индивидов; отмечая, что Струве грубо извратил исторические взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, сам он сделал то же [62].

В 1901 г. Прокопович выступил с новой книгой. Он пытался пересмотреть общие теоретические установки истории, нападая на научный социализм без каких-либо аргументов. Там же, где он пытался найти аргументы, представал перед читателем как наивный сторонник

[62] АДП, В.349.9, л. 5 об.—6; В.399.8, л. 2 об.—3.

примитивного материализма: «Материалистическое понимание истории считает производственные отношения базисом, а борьбу классов надстройкой. Поэтому положение научного социализма, что рабочее движение уничтожит капиталистический строй общества, противоречит материалистическому пониманию истории» [63]. Так мог рассуждать не серьезный историк, а беззастенчивый вульгаризатор истории! Мало этого. Прокопович утверждал, что рабочее движение лежит вне классовой борьбы и даже вне экономических отношений. Он обнаружил только три формы рабочего движения: товарищества, профессиональные союзы и борьбу за фабричное законодательство. С точки зрения Прокоповича, история профессиональных союзов показывает, что они преобразуют «современное общество в духе промышленной демократии» и якобы ограничивают политическую власть буржуазии. Так Прокопович шагнул чуть ли не дальше всех «экономистов» к примиренчеству с капитализмом.

Историки-«экономисты» субъективно изображали классовый характер и природу самодержавия, его взаимоотношения с различными классами, закономерности революции. Например, Б. Н. Кричевский утверждал: «Появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом *преимущественно* стихийных взрывов. Это относится *даже* к социальной революции на Западе, где пролетариат может бросить на весы истории небывалую еще силу сознания и организации. Тем в большей степени стихийный элемент должен преобладать в грядущей русской политической революции» [64]. Кричевский отмечал, что «революции не делаются, а случаются». Мартынов считал, что употребляемое марксистами определение «классовое государство», т. е. «скрытая форма господства буржуазных классов над трудящимся населением», верно, но недостаточно. Под влиянием государственной, юридической школы в историографии он писал: «Самодержавие произошло из той верховной власти (суверенитета) над земледельческим населением, которую всегда и везде приобретали разные владетельные князья, господари, графы, сеньоры, короли, как бы их там ни называли, и которая всегда вытекала из потребности

[63] *Прокопович С. Н.* К критике Маркса. СПб., 1901, с. 174.
[64] Рабочее дело, № 10, сентябрь 1901 г., с. 19—20.

земледельческого населения в чужой опеке и защите». Русское самодержавие выросло из власти отдельных князей. «Произвол царской власти и слепое доверие простонародья к царю — это две стороны одного и того же явления».

Мартынов признавал, что царское самодержавие тесно связано с интересами крупного капитала и крупного землевладения. «Но именно самодержавная форма нашего правительства, т. е. его бесконтрольность и произвол, держится не благодаря тому, что Россия — классовое государство, а напротив того, благодаря тому, что в России еще недостаточно развиты общественные классы. Она существует не по воле нашей буржуазии, а помимо ее воли. Первоначальный источник самодержавия и его единственная основа — это слепое доверие к царю и пассивная покорность многомиллионного консервативного крестьянства и отсталого старосветского мещанства и купечества»[65]. Как видим, представления «экономистов» о роли государства были в значительной мере наивными.

«Экономисты» не сумели найти четких критериев при оценке либерализма, истории земства и др. Кричевский писал, что декабристы (если исключить «зародышевый социализм Пестеля») «боролись с самодержавием под знаменем либерализма»[66]. Мартынов считал, что в истории либерализма в России были три волны. Первая — дворянский либерализм 60-х годов, который отличало политическое бессилие, стремление приспособиться к воле верховной власти. Вторая волна — 1878—1883 гг. В этот период либералы домогались конституции. В 1895 г. замирающая волна либерализма «о конституции уже не говорила, а в туманных фразах высказывается пожелание «об открытом доступе голоса земства к престолу»»[67]. В. И. Ленин подверг резкой критике «экономистов», изображавших либералов сторонниками решительной борьбы с самодержавием (см.: 4, 257—260).

Статья Сибиряка (вероятно, П. Ф. Теплова) верно оценила итоги борьбы правительства Александра III с

[65] Рабочее дело, № 9, май 1901 г., с. 57—58, 60.
[66] Там же, с. 12.
[67] Рабочее дело, № 11—12, февраль 1902 г., с. 58—59. Мысли по этому сюжету, высказанные Мартыновым в «Рабочем деле» (№ 10, с. 60, 72) до публикации работы В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», были гораздо туманнее и еще менее четки.

земством. В ней говорилось, что царь «согнул земство в бараний рог, сузил и без того незначительный круг его ведомства, оставил лишь тень «самоуправления», подчинив его решения и деятельность произволу губернаторов и превратив должностных лиц земства в правительственных чиновников. Из всесословного он сделал земство дворянским»[68]. На самом деле даже в 60-х годах земство не было всесословным.

Наибольшее внимание среди исторических сюжетов «экономисты» уделяли истории революционного движения. Но и здесь четких марксистских позиций они занять не смогли. Противоречиями страдала их оценка дворянского этапа освободительного движения. В «Памяти первых революционеров», правильно объясняя дворцовые перевороты, заявляя, что никакой царь не может дать свободы народу, Кричевский, однако, оправдывал декабристскую тактику военного заговора, ибо другие средства борьбы были в тогдашней России якобы немыслимы. Пестель в понимании Кричевского был не только республиканцем, «но и, можно сказать, по тому времени социалистом», так как говорил, что «необходимо отдать землю крестьянам». Кричевский не смог определить и классового содержания декабризма. Вместе с тем в статье правильно показано, что декабристы разорвали с шовинистической политикой самодержавия, сделали первые шаги в разработке национального вопроса с позиций интернационализма. Говоря о промахах декабристов, об их ошибках в день восстания, выпячивая их мессианство, мученичество, Кричевский признавал их историческую роль: «И однако значение 14-го декабря велико. Эта первая попытка открытого восстания неизмеримо много сделала для пробуждения революционного сознания в дотоле рабской стране»[69].

История освободительного движения в России не получила в писаниях «экономистов» четкой периодизации. Но о втором — разночинском — этапе они писали неоднократно. Кричевский утверждал: «То были поколения Белинского и Герцена, Чернышевского и Лаврова и многих других славных борцов мысли и пера; то были поколения революционеров 60-х и 70-х годов, бесстрашных героев»[70]. При эмоциональном отношении здесь

[68] *Сибиряк.* Борьба царского правительства против земства и народного образования.— Рабочее дело, № 6, апрель 1900 г., с. 43.
[69] Рабочее дело, № 9, май 1901 г., с. 7—8.
[70] Там же, с. 10.

нет классового анализа. Он утверждал, что декабристы были горстью образованных и чиновных дворян; революционеры 60-х и 70-х годов представляли (наряду с интеллигентами из дворян) более широкий слой «разночинной» интеллигенции.

Кричевский очень высоко оценивал роль Чернышевского в истории России, его влияние на интеллигентов-разночинцев. При этом он явно идеализировал взгляды Чернышевского, якобы довольно близкие «к научному социализму Маркса и Энгельса». Чернышевский будто бы считал социализм неизбежным следствием капиталистического производства, а его торжества ждал «от борьбы пролетариата, сознавшего свои интересы». И только между прочим Кричевский отмечал, что Чернышевский ошибочно рассматривал крестьянскую общину как подготовительное средство для торжества социализма [71]. Еще большими преувеличениями роли Чернышевского страдали статьи «Рабочей мысли», направленные против трудов Плеханова. Газета провозглашала Чернышевского «основателем рабочего социализма в России», «обоснователем научного объяснения исторического развития». Цитаты, расположенные по рубрикам: рабочий вопрос, рабочие и крестьяне, община и др., должны были «доказать», что Чернышевский не был утопическим социалистом [72]. В. И. Ленин решительно опроверг эти потуги «Рабочей мысли» (см.: 3, 258—259).

И Кричевский, и Мартынов, и другие «экономисты» чаще всего механически, вульгарно воспринимали марксистскую концепцию истории освободительного движения. Это видно на примере оценок народничества. Не раз «экономисты» называли народников 70-х годов героями. У Кричевского, Мартынова встречалось немало отдельных верных наблюдений (об их надеждах на общину, «коммунистических инстинктах крестьян», попытках «перескочить» через капитализм и др.). Однако правильно осмыслить суть народнического движения в целом «экономисты» не смогли. Кричевский, например, писал: «Если народники по-своему мечтали о классовой борьбе, которая не была бы политической, то народовольцы вели политическую борьбу, которая не была бы

[71] См.: Рабочее дело, № 4—5, сентябрь—декабрь 1899 г., с. 4—8.

[72] См.: Рабочая мысль, № 7, июль 1899 г.; Библиотека «Рабочей мысли», № 9; Отдельное приложение к «Рабочей мысли», изд. Петербургского «Союза», сентябрь 1899 г.

борьбой определенного класса и, стало быть, не находилась ни в какой связи с экономической борьбой пролетариата». Организация народовольцев якобы стояла «вне классов и над всеми классами, в том числе и над пролетариатом». Кричевский считал, что к «Народной воле», как и к «предшествовавшим ей революционным организациям, примыкали отдельные, очень развитые рабочие. Но это были исключения, это были рабочие, ставшие, так сказать, интеллигентами, оторвавшимися от массы, и не оказавшие на нее никакого влияния» [73]. Так искажалась история рабочего движения в России.

Освещая историю возникновения социал-демократического движения в России, все «экономисты» сознательно преуменьшали значение группы «Освобождение труда». Мартынов не останавливался перед прямой подтасовкой фактов, когда заявлял: «Впервые ясно наше социал-демократическое течение выразилось в оживленной полемике между марксистами и народниками, которая велась в нашей легальной печати в начале 90-х годов» [74]. По существу то же делал Кричевский, хотя и не так грубо, в статье «Принципы, тактика и борьба».

Наибольшее внимание всех историков-«экономистов» привлек петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — самая яркая страница в истории рабочего движения XIX в. Именно здесь зародилось практически то новое, из чего выросла РСДРП. Иное интересовало в петербургском движении «экономистов». Кричевский безудержно восхвалял брошюру «Об агитации», искусственно отделил явно «экономистскую» «Рабочую мысль» от остального «экономизма». Газета, по его мнению, лишь проводила некую ошибочную линию недооценки роли политической борьбы, причем главным образом в 1897 г. Затем редакция газеты была обескровлена арестами, а тенденция «экономизма» стала якобы ослабевать и наконец «просто слилась с правильной, вполне ортодоксальной линией руководства петербургского «Союза борьбы»», а позже — Петербургского комитета. К. М. Тахтарев, излагая весьма субъективно историю «Союза», совершенно упустил из виду его пропагандистскую работу. Он искусственно раздувал значение рабочих касс во главе с «Объединенной кассой»

[73] Рабочее дело, № 7, август 1900 г., с. 7, 8.

[74] Рабочее дело, № 9, май 1901 г., с. 44.

петербургских рабочих»[75]. В действительности они существенной роли в рабочем движении не играли. Как и Кричевский, Тахтарев предпринял замаскированную попытку оправдать позицию «Рабочей мысли»[76]. Взгляды этого историка-мемуариста почти не претерпели изменений даже после Октябрьской революции, и в 1924 г. он вновь пытался «объяснить» свой «экономизм»[77].

Его соратник по кружку В. Н. Катин-Ярцев также оправдывал «экономизм» в петербургском «Союзе борьбы»[78]. С точки зрения Катина-Ярцева, «Союз» был еще слаб, чтобы руководить рабочим движением. Тахтарев считал, что роль «Союза» в стачках «можно скорее назвать исполнительною, чем руководящею»[79].

В. П. Акимов также извратил всю историю революционного движения в Петербурге в 90-х годах, характер деятельности «Союза борьбы». Когда стало ясно, что социал-демократия решительно отвергла «Кредо», Акимов начал утверждать, что ни один «экономист» будто бы не был солидарен с Бернштейном и с «Кредо», что оно носило случайный характер, отражало взгляды только Кусковой и Прокоповича[80]. Столь же беззастенчиво обошелся он с историей подготовки и проведения I съезда РСДРП и Манифестом РСДРП[81]. Вместе с тем Акимов в конце концов вынужден был признать победу «искризма» над «экономизмом»[82].

В 1900 г. к Парижскому конгрессу Интернационала Кричевский подготовил доклад, в котором пытался систематизировать историю РСДРП за 1897—1900 гг. Он допустил ряд неточностей в оценке исторического значения народовольчества. Лишь вскользь говорилось о группе «Освобождение труда» и ее исторических заслугах, зато преувеличивалась роль оппортунистического крыла «Союза русских социал-демократов за границей» и «Рабочего дела». Подробно описывались с позиций

[75] *Петербуржец.* Очерк петербургского рабочего движения, с. 8, 10.
[76] См. там же, с. 74—91.
[77] *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге (1893—1901). Л., 1924.
[78] *К. Я.* Первые шаги.— Былое, 1907, № 9 (21).
[79] *Петербуржец.* Очерк петербургского рабочего движения, с. 27.
[80] См.: *Акимов Вл.:* Материалы для характеристики..., с. 99; Очерк развития..., с. 51.
[81] См.: *Акимов-Махновец В.* Первый съезд Российской С.-Д.Р. партии.— Минувшие годы, 1908, № 2, с. 128—160.
[82] *Акимов-Махновец В.* Строители будущего.— Образование, 1907, № 4, Отд. 2, с. 91—92.

«экономизма» петербургские стачки 1895—1897 гг., их влияние на другие промышленные центры. В противоречии с действительностью Кричевский утверждал, что I съезд РСДРП будто бы «положил начало организационному объединению всех социал-демократических сил»[83]. Констатировалось образование в Петербурге мелких социал-демократических групп: «Рабочей мысли», «Рабочего знамени», «Комитета рабочей организации», излагалась без достаточного критического анализа история социал-демократических групп Москвы, Иваново-Вознесенска, Киева, Екатеринослава, Одессы, Николаева.

По проблемам истории высказался в 1901 г. Л. Надеждин (Е. О. Зеленский), претендовавший на звание социал-демократа, но в действительности руководивший «социально-революционной» группой «Свобода». Он писал о «Народной воле», ее социалистическом идеале, о воспитании ею героических борцов. Реформу 1861 г. Надеждин считал продуктом развития капиталистических элементов, «родным детищем русской жизни». Стремясь принизить заслуги группы «Освобождение труда», Надеждин писал, что она «с большим соответствием истине могла бы назваться иначе: группой освобождения интеллигенции от заскорузлых воззрений». Главную «вину» «Искры» Надеждин видел в том, что она постоянно и упорно обращалась к наследию группы «Освобождение труда». Он проводил искусственные параллели между рабочим движением в России и чартизмом[84].

Отдельные публикации на исторические темы помещал журнал «Жизнь», издание которого было из-за преследования властей в 1902 г. перенесено за границу. В. Н. Муринов попытался оценить значение рабочего движения 1896 г. как первого организованного и внушительного выступления пролетариев. «Правительству оно показало, что с рабочими необходимо считаться; правительство поняло это и поспешило со своим фабричным законом. Конечно, это была вынужденная уступка самодержавного правительства, которое кроме узкоклассовых интересов капиталистов всегда преследует и свои самодержавные цели»[85]. Он утверждал, что «прави-

[83] Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г., изд. «Союза русских социал-демократов». Женева, 1901, с. 20—21.
[84] Канун революции. Непериодическое обозрение вопросов теории и тактики. Женева, 1901, с. 33, 96, 105.
[85] Жизнь, № 1, апрель 1902 г. Лондон, с. 238.

тельство не только само все время грабило крестьян, оно постоянно помогало грабить их и дворянам-помещикам». Подчеркивался грабительский и крепостнический характер крестьянской реформы 1861 г. «С воцарением Александра III зашатавшееся самодержавие, нуждаясь в опоре, пытается найти ее в поместном дворянстве» [86].

Другой автор «Жизни» правильно указывал на ошибку народничества, считавшего, будто русское самодержавие — искусственный нарост на народном организме. Однако до правильного понимания общественно-экономических формаций журналу «Жизнь» было еще далеко: царизм в его объяснении «лишь особая, наиболее гнусная форма власти, функционирующей в интересах владеющих классов дворянства, духовенства и буржуазии и имеющей свои глубокие корни в народном невежестве и общественной развращенности» [87].

На роль историков, стоявших на позициях ортодоксального марксизма, претендовали в начале XX в. участники оппортунистической группы «Борьба». Ю. М. Стеклов правильно считал, что «низвержение самодержавия является в России задачей не только пролетарской, но и национальной»; «борьба русских социал-демократов из национальной превращается в явление мировой важности» [88]. Стеклов проводил мысль о преемственности в освободительном и революционном движении России. Но он искусственно сближал взгляды либералов и А. И. Герцена, рисовал широкие перспективы русской буржуазии, которая якобы еще выступит активным борцом с самодержавием, рассматривал социал-демократию как слагаемое двух сил: народничества и народовольчества и т. д. Указывая на связь русской социал-демократии и предыдущих поколений борцов, он вынужден был под влиянием ленинской работы «Гонители земства и Аннибалы либерализма» писать о постоянном возрождении либеральной оппозиции начиная с 60-х годов, но во все более и более слабой форме. Революционное движение «придавало силу и смелость либеральной оппозиции, как, например, в конце 70-х годов» [89].

[86] Жизнь, № 6, сентябрь—декабрь 1902 г., с. 229.
[87] Жизнь, № 3, июнь 1902 г., с. 199.
[88] Заря, № 2—3, декабрь 1901 г., с. 171, 172.
[89] *Невзоров Ю.* Отказываемся ли мы от наследства? К вопросу об историческом подготовлении русской социал-демократии (Страничка из истории русской революционной мысли). Изд. группы «Борьба». Женева, 1902, с. 4.

В декабризме Стеклов видел различные оттенки, но верной исторической оценки его дать не сумел. Петрашевцы, писал он, в своем мировоззрении смешали черты славянофильства и западничества. В 60-х годах были проведены некоторые преобразования, известные под пышным названием «эпохи великих реформ». На самом деле царские подачки являлись «не началом осуществления народных идеалов и народного блага, а орудием превращения России в буржуазную страну, страну капиталистическую» [90].

В своей исторической брошюре Стеклов сделал немало выводов, противоречивших действительности: будто идейное влияние I Интернационала на социализм в России было относительно слабым, а в организационном отношении громадно; лавризм якобы был первоначальным русским марксизмом; чернопеределыцы, дескать, стояли на марксистской точке зрения; программа русских социал-демократов сложилась путем слияния взглядов «Черного передела» с народовольческими взглядами и т. д. Вообще писания Стеклова страдали переоценкой значимости идей народничества, неумением понять их утопический характер, коренную противоположность мировоззрению научного социализма. В целом попытка Стеклова изложить историю русской общественной мысли оказалась поверхностной и мало удачной.

Оппортунистическими были многочисленные исторические исследования члена группы «Борьба» Н. Рязанова. Он отделял себя от либеральных историков, так как не представлял себе всемирную историю «как историю непрерывного прогресса». Верно описывая процесс зарождения в России феодальных отношений, Рязанов бездоказательно отвергал ленинский анализ реформы 1861 г. Он утверждал, что только она освятила право помещика на никогда ему не принадлежавшие земли [91]. Рязанов обвинял редакцию «Искры» — «Зари» в том, что она будто бы заимствовала у буржуазных просветителей XVIII в. и Струве «соединение всех форм докапиталистического общества», которое якобы не всегда основывалось на закрепощении. Царское самодержавие, по Рязанову, не являлось самым большим пережитком

[90] Там же, с. 7.
[91] См.: *Рязанов Н.* Материалы для выработки партийной программы. Вып. II. Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов. Изд. группы «Борьба». Женева, 1903, с. 218, 261—263.

докапиталистических общественных отношений, а было продуктом «начатков» капитализма [92]. Не имея аргументов, не опираясь на современные труды профессиональных историков, Рязанов тем не менее упрекал всех марксистов за плохое знание истории. Сам же он демонстрировал неверное, вульгаризаторское отношение к мелким производителям, непонимание существа кризисов при капитализме и др.

Как и многие другие социал-демократические публицисты, Рязанов подчеркивал идею преемственности в развитии революционного движения России. Народников и народовольцев 70—80-х годов он называл «поколением титанов». Выступая против мелкобуржуазных наскоков на позиции социал-демократии, он писал: «У нас много говорили за последнее время о «наследстве» и о том, кто отказывается от него. Мы думаем, что если бы этот вопрос был подвергнут более тщательному пересмотру, то оказалось бы, что от него отказываются, а то и промотали, очень часто сами обвинители» [93].

Инициативу политического освобождения России, считал Рязанов, «взяла на себя социалистическая партия, нашедшая с первых же шагов своих активное содействие в рабочем классе. Это — бессмертная заслуга «Народной воли»». Вообще русская социалистическая партия в его понимании была «всегда самым непримиримым врагом русского абсолютизма» [94]. Эта верная мысль, как видим, облечена в неправильные формулировки и искусственно сближает народовольцев с рабочими. Она неотделима от попыток Рязанова наметить особенности исторического пути России. Он утверждал, что социалистическое движение началось, когда капитализм был еще в зародыше. Рабочее движение гигантски растет в рамках самодержавного строя. Россия находится накануне буржуазной революции, решающее значение имеет крупная промышленность, а не кооперация и не мануфактура. «Ни в одной из западноевропейских стран капитализм не развивался с такой головокружительной быстротой, как у нас», — писал он. В целом Рязанов правильно оценивал роль русской буржуазии: «Идеология буржуазии — либерализм в России отцвел,

[92] См. там же, с. 216, 217—219, 220—221.

[93] *Рязанов Н.* Две правды.— *Невзоров Ю.* Отказываемся ли мы от наследства? с. 76, 78, 116.

[94] *Рязанов Н.* Замечания на программу «Рабочего дела».— Заря, № 1, апрель 1901 г., с. 123, 130.

не успевши расцвесть». Экономические требования рабочих, их профессиональное движение развиваются «прямо пропорционально развитию социал-демократической пропаганды» [95]. Своеобразие исторического развития России возлагает на плечи русского пролетариата «тяжелую работу очищения нашего социально-политического строя от всякой скверны, унаследованной от предыдущих общественных формаций» [96]. Рязанов уделил определенное внимание истории рабочего движения. Начало его он отнес к 70-м годам XIX в.; особым размахом отличались в этом плане 90-е годы.

Однако хвостизм Рязанова вопреки его претензиям на ортодоксию проявлялся в различных вопросах, особенно в аграрном. Достаточно сказать, что проект аграрной программы В. И. Ленина Рязанов объявил лишенным всякого смысла, не социал-демократическим, а либеральным [97]. Реальный смысл ленинского проекта наглядно показала революция 1905—1907 гг. Называть ленинский призыв к крестьянскому восстанию либерализмом мог лишь злобный оппортунист. Стоит ли удивляться, что Рязанов после словесной эквилибристики по поводу истории национализации земли отверг ее и выдвинул скромный лозунг «экспроприации всех крупных землевладельцев».

Неоднократно обращался Рязанов к истории создания программы РСДРП. При этом он в целом правильно отмечал как положительные стороны, так и недостатки проектов группы «Освобождение труда». Немало верных исторических мыслей вынес Рязанов из знакомства с трудами В. И. Ленина: о значении теории Сисмонди и русских народников, о бесплодности русского либерализма и нелепости ожидания, что какое-нибудь земство есть зародыш конституции, о роли В. И. Ленина — фактического руководителя «Искры», автора устава РСДРП и др.

Рязанов подмечал непоследовательность, оппортунизм исторических писаний «экономистов», Плеханова, Аксельрода, Мартова и других меньшевиков. Вместе с тем, маскируясь верной мыслью о неоднородности пролетариата, о его постоянном развитии, Рязанов оправды-

[95] *Рязанов Н.* Материалы для выработки..., с. 103, 104, 105, 121, 142.

[96] *Рязанов Н.* Замечания на программу «Рабочего дела», с. 119.

[97] *Рязанов Н.* Разбитые иллюзии. К вопросу о причинах кризиса в нашей партии. Женева, 1904, с. 31.

вал оппортунизм: «Вполне естественна поэтому борьба различных фракций в среде рабочей партии, которой de facto является социал-демократическая партия»[98]. Он равнялся на западноевропейские социал-демократические партии и потому считал, что в программе РСДРП все должно быть так, как у немцев, французов, австрийцев. Но это не мешало ему после длительных исторических экскурсов, посвященных русской общине, по-народнически заявить, что социал-демократия общинное землевладение «оставляет в неприкосновенности, стараясь лишь путем предоставления отдельному крестьянину права выхода устранить ненужный гнет общины над личностью»[99].

Публицист Рязанов, претендовавший на хорошее знание истории, допускал немало исторических ляпсусов. Например, он наивно полагал, что все авторы-марксисты, печатавшие некоторые свои труды в легальных журналах, — «легальные марксисты». Глубокомысленно изучая историю аграрной программы РСДРП, Рязанов понял, что в ее основе — книга В. Ильина «Развитие капитализма в России». Он обвинил В. И. Ленина — автора аграрной программы — в том, что тот даже не читал Ильина![100]

Рязанов вульгарно понимал классовую борьбу, роль интеллигенции, теорию стихийности и сознательности в рабочем движении, роль субъективного фактора в истории, внесение извне социалистического сознания в рабочее движение, защиту партией интересов пролетариата, значение реформ и их соотношение с революцией, программу-минимум. Он недооценивал роль крестьян как союзника пролетариата и значение аграрной программы РСДРП. Пример Рязанова убеждает, что попытки усвоить общие принципы марксизма отнюдь не гарантируют правильности исторических воззрений.

Таким образом, «экономисты» в своих исторических экскурсах несколько расширили тематику, стали больше внимания уделять освободительному движению. Однако их общие оппортунистические установки отрицательно повлияли на методологию исследования, на оценку главных революционных направлений в истории России XIX в. В. И. Ленин показал, что «экономисты»

[98] *Рязанов Н.* Материалы для выработки..., с 14.
[99] Там же, с. 46, 60, 293—294.
[100] См. там же, с. 112, 253, 267, 271.

плохо знают историю рабочего движения (6, 134—135).

Многие деятели российской социал-демократии или близкие им по воззрениям люди, обращаясь к историческим сюжетам, за основу брали плехановскую историческую концепцию. Самому Плеханову при всей его талантливости не удалось развить учение К. Маркса и Ф. Энгельса в новых условиях. В его представлении Россия должна была идти по пути буржуазного развития, предначертанному Западом.

В. И. Ленин же обратился к проблеме особенностей капиталистической эволюции в России. Характеризуя ее пореформенное развитие, он указывал на его особенности и считал Россию не повторяющей западный тип капитализма, а страной с особой формой буржуазного развития. Нельзя было не учитывать, что в России промышленный переворот завершился до, а не после буржуазной революции, а аграрный переворот не завершился вовсе. Не поняв всего этого, не разобравшись в сложностях взаимоотношений объективного и субъективного в истории, Плеханов (еще более Аксельрод, Засулич, Мартов, Потресов) и тем более участники оппортунистических группировок в РСДРП пытались противопоставить исторические воззрения, складывавшиеся в партии, практике революционной борьбы. Их «философия истории», восходившая в конечном счете к концепции Плеханова, страдала налетом объективизма, пассивности и созерцательности. Испытание временем выдержало ленинское материалистическое понимание истории и его практическое применение к революционной практике.

ГЛАВА V

РАЗВИТИЕ ЛЕНИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Время с февраля 1900 г. (после окончания срока ссылки) по 9 января 1905 г., до начала первой российской революции, — один из интенсивных периодов творчества В. И. Ленина. Он написал сотни книг, брошюр, статей, заметок, текстов выступлений, замечаний и т. д. В Полном собрании сочинений воспроизведено 214 работ. Из них в 1900—1905 гг. были опубликованы и обнародованы 179[1]. Кроме того, 4—9-й тома включают в себя перечень 8 неразысканных работ. Хотя все эти цифры не абсолютны, но они дают представление об огромных масштабах деятельности В. И. Ленина, его бесценном вкладе в партийную публицистику начала XX в., напряженных исканиях, связанных с возникновением пролетарской партии нового типа.

Все созданное В. И. Лениным не было, конечно, специально посвящено истории. Но нельзя не отметить, что в большинстве трудов он касался исторических аспектов, опираясь на свою историческую концепцию. В начале XX в. происходило ее дальнейшее углубление и совершенствование. Расширение ленинской концепции — это прежде всего создание новой отрасли науки — истории Российской социал-демократической партии. Историческими оценками насыщены «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари»», «Заявление редакции «Искры»», статьи «Насущные задачи нашего движения», «Китайская война», «Случайные заметки», «Внутреннее обозрение», «Беседа с защитниками экономизма», «Замечания к статье Рязанова «Две правды»», материалы программной дискуссии в редакции «Искры» — «Зари», «Аграрная программа русской социал-демократии», «Революционный авантюризм», материалы II съезда РСДРП, «Народничествующая буржуазия и растерянное народничество» и др. В работах «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрный вопрос и «критики Маркса»», «Что делать?», «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду», «Шаг вперед, два шага назад» В. И. Ленин развивал марксистскую историческую концепцию. В его записной книжке среди библиографических записей значительное место занимает литература по истории России, о декабристах, Герцене, Огареве, «Колоколе», Чернышевском[2].

[1] В этот подсчет мы не включили письма, несмотря на всю их важность, поскольку многие из них все еще не обнаружены.

Все многообразие ленинских обращений в 1900—1904 гг. к истории может быть сгруппировано вокруг нескольких кардинальных проблем: экономической и политической основы Российского государства, истории либерализма и земства, освободительной борьбы и революционного движения в России и на Западе, истории РСДРП и ее идейно-теоретического наследства. Глубоко изучая историю, сводя добытые факты и оценочные суждения в стройную концепцию, В. И. Ленин стремился сам и помогал своим соратникам превратить историческую науку в оружие революционного преобразования действительности. Подлинно марксистские исторические выводы у публицистов ленинской школы становились средством активизации теоретической, пропагандистской и агитационной работы социал-демократической партии. Марксистское понимание истории и действительности было важным средством борьбы с буржуазным и мелкобуржуазным мировоззрением. Из ленинской концепции истории брала свое начало идея гегемонии пролетариата в российской буржуазно-демократической революции, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В работах В. И. Ленина история России рассматривалась как составная часть всемирно-исторического процесса. Он широко привлекал мировой исторический опыт, особенно историю революционных движений Запада, для обозначения путей развития рабочего движения России, считал, что многие моменты истории России нельзя понять без сопоставления с мировой историей, не указав сходных моментов в истории революционного движения Запада и России, и оставил нам ряд блестящих характеристик важнейших революционных периодов в истории человечества. Если в 1894 г. В. И. Ленин первым дал марксистское определение классов, то в 1902 г. показал их отличие от сословий (см.: 1, 430; 6, 311). Вместе с тем он отмечал особенности историческо-

[2] См.: Ленинский сб. XXXIX. М., 1980, с. 28—31.

истории РСДРП, партийного строительства. Переплетение правильных и ошибочных исторических оценок, неумение создать цельную концепцию истории РСДРП и вписать ее в систему общеисторических взглядов представляли собой суть кризиса меньшевистской историографии в начале XX в.

Решающий вклад в разработку большевистской историографической концепции внес В. И. Ленин. После 1917 г. началась сложнейшая работа по овладению советской исторической наукой ленинской методологией. Исторические взгляды В. И. Ленина оказали немалое воздействие на его современников задолго до 1917 г. Они способствовали выработке правильной стратегической линии партии. Например, постановка В. И. Лениным в начале 1905 г. вопроса о том, какой исторический тип буржуазной революции предстоял России — 1789 г. или 1848 г., в значительной степени повлияла на тактику большевиков в буржуазно-демократической революции. Он тонко чувствовал особенности исторической ситуации, справедливо возражал против механических аналогий, называл нелепой «мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социально-политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов» (9, 380).

В 90-х годах XIX в. исторические взгляды российских марксистов привели их к правильному решению вопроса об общем (капиталистическом) направлении общественно-политического и экономического развития России. Марксистская историческая концепция находилась тогда, как позже оценит В. И. Ленин, на ступени «низшего, первого класса» (47, 228). В начале XX в. его усилиями были подняты проблемы второго, т. е. «высшего класса»: о пути развития, виде буржуазной революции, о своеобразии проявления в России общих закономерностей. Эти гигантской важности вопросы решила революция 1905—1907 гг.

В. И. Ленин предлагал подвести общие итоги истории, «советоваться с Марксом», учитывать опыт международного пролетариата. Плеханов (а вслед за ним и все меньшевики, обращавшиеся к истории) утверждал: «Учитесь у немцев». В. И. Ленин же думал по-иному. Учет исторического опыта Запада должен был выразиться в разработке тех проблем, которые не сумел разрешить в прошлых буржуазных революциях европейский пролетариат; «из всех буржуазных революций Европы рабочий класс вышел с разочарованием, ибо входил в них с буржуазно-демократическими иллюзиями» (7, 389—390). Надо было учесть особенности России: «Резкая неравномерность различных сторон социально-экономического развития России, исключительная напряженность процесса формирования капитализма, при сохранении мощных пережитков крепостничества, привели к переплетению различных социальных укладов и антагонизмов, способствовали чрезвычайно быстрому созреванию и острому проявлению классовых противоречий, одновременному развертыванию двух социальных войн, скачкообразному характеру всего исторического процесса»[6]. Уже в начале XX в. В. И. Ленин показал особенности формирования российского пролетариата, его марксистской партии: широчайшие международные связи русского освободительного движения, использование международного опыта борьбы марксизма с враждебной идеологией, богатые революционные традиции допролетарских поколений революционных борцов и др.

Эти важнейшие ленинские взгляды, тесно связанные и с историей, и с современностью, привели к созданию ядра большевистской концепции истории России в период капитализма — идеи гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции. Она получила обоснование в учении В. И. Ленина о революционной марксистской партии.

Разработка В. И. Лениным проблем экономической и социально-политической истории России имела научное значение. Исследование данных о русском барщинном хозяйстве дореформенной деревни, феодального землевладения и эксплуатации крестьянства утверждало научно-исторические взгляды на феодальный характер Древней Руси. Позднее ленинские взгляды на «государственный феодализм» стали теоретической основой работ выдающихся советских историков Б. Д. Грекова, Н. М. Дружинина и др. Глубокое изучение В. И. Лениным аграрных проблем истории России на фоне и в связи с всемирной историей не только играло существенную роль в общественно-политической борьбе, но и привело к лучшему познанию особенностей развития сельского хозяйства России.

Методологически важен для исторической науки конкретный ленинский анализ перехода русской промышлен-

[6] *Персов М. С.* Ленинская концепция истории России эпохи капитализма в курсе историографии. — Историографический сб., вып. 8. Саратов, 1980, с. 29.

смотрение его исторических взглядов в 90—900-х годах, их развития, складывания в большевистскую концепцию истории позволяет подойти к его творчеству исторически, показать его роль в эволюции исторических знаний.

В. И. Ленин внес огромный вклад в теорию и практику классовой борьбы. Он был признанным политическим вождем, выдающимся теоретиком марксизма и деятелем науки, руководителем социалистической революции, основателем Советского государства, автором плана строительства социализма в нашей стране, учителем мирового пролетариата. Первое десятилетие в биографии Ленина-борца и общественного деятеля — яркое явление российской истории. И в этой величественной биографии В. И. Ленина 90—900-х годов есть замечательные страницы, посвященные исторической науке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р.
К 63 У истоков марксистской исторической мысли в России. — М.: Мысль, 1986. — 244 с.
В пер.: 1 р. 40 к.

Прослежена динамика ленинской исторической мысли, ее новаторский характер, а также рассмотрено влияние исторической концепции В. И. Ленина на теоретическую деятельность, на содержание пропаганды местных партийных организаций. Впервые показано значение ленинских трудов для его современников — профессиональных историков.

К $\frac{0501000000-217}{004(01)-86}$ 5-85

ББК 63.3(2)521
9(С)17